

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ СТРАН СНГ – ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

CIVIL IDENTITY OF THE POPULATION OF CIS COUNTRIES – PEDAGOGICAL CONTEXT

Мясников В.А.

Главный научный сотрудник Института теории и истории педагогики РАО, доктор педагогических наук, профессор, действительный член РАО
E-mail: itiprao@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются процессы национальной идентичности, а также новой гражданской идентичности населения постсоветских государств. Раскрывается специфика идентичности русского населения, которое впервые за последние триста лет оказалось в непривычном для себя статусе, превратилось в разделенный народ. За пределами России оказалось 25млн. этнических русских.

Ключевые слова: гражданская идентичность, новая гражданская идентичность, русская идентичность, русская нация, русское массовое сознание, имперская самоидентификация, идентификационный кризис.

Myasnikov V.A.

Chief research scientist of the Institute of theory and history of pedagogic (Russian Academy of Education), Doctor of Science (Education), Professor, Academician of the Russian Academy of Education
E-mail: itiprao@mail.ru

Annotation.. Article analyzes processes of national identity, and also new civil identity of the population of the Post-Soviet states. Article reveals specifics of identity of Russian population which for the first time for the last three hundred years appeared for itself in the unusual status, turned into the divided people. About 25 million ethnic Russian appear outside of Russia's borders.

Keywords: civil identity, new civil identity, Russian identity, Russian nation, Russian mass consciousness, imperial self-identification, identification crisis

Анализ процессов национальной идентичности, а также новой гражданской идентичности населения постсоветских государств является актуальным и значимым. Такой анализ осложнен принадлежностью русского населения нового зарубежья к народу, во многом доминировавшему, в силу объективных исторических обстоятельств, как в дореволюционной России, так и в СССР [3, с. 91–92].

Ведущее положение русских в Российской Федерации объективно предопределено их численностью (85% населения страны), местом в социально-профессиональной структуре общества, исторической ролью в создании Российского государства, значительным влиянием русской культуры и распространенностью русского языка [1].

Имперская составляющая русского сознания оформилась быстрее, чем у русских возникло осознание этнической принадлежности к единому народу. Русское сознание исторически складывалось, прежде всего, как государственническое, при одновременной слабости и размытости этнического компонента. Такая специфика русской идентичности была следствием и одновременно важной предпосылкой формирования континентальной империи. На протяжении практически всей отечественной истории имперский пласт сознания доминировал над этноконфессиональным началом, при этом идеалы «святой Руси» нередко оказывались в коллизии с имперским принципом. От русских требовалось служить империи и нести ее бремя, довольствуясь осознанием этой миссии и ничего (или почти ничего) не получая взамен.

К концу XIX века растущий национализм нерусских народов и глобальные модернизационные сдвиги все более заметно расшатывали государство и одновременно вели к кризису имперской компоненты русского сознания. Наиболее заметным проявлением этого кризиса и вместе с тем попыткой его преодоления стало возникновение массового популистского русского радикального национализма, пользовавшегося монаршим покровительством. Однако его деятельность объективно вела к нарушению политической стабильности и ослаблению империи, которую они же пытались сохранить.

Кризис имперского сознания русских был преодолен в советскую эпоху благодаря его трансформации. За это было заплачено страшной ценой – почти полным разрушением и без того слабого этнического пласта русского самосознания. В 1920-е гг. и в первой половине 30-х годов любое указание на специфические русские интересы квалифицировалось как проявление «великодержавного русского шовинизма» с соответствующими политическими выводами, а на русских – «бывшую угнетающую нацию» – возлагалась коллективная ответственность за реальные и мнимые прегрешения царизма. Но уже с середины 30-х гг. XX века наметилось постепенное включение элементов русского национализма (преимущественно на уровне символов и лозунгов) в официальную советскую идеологию. В годы войны эта тенденция усилилась, и И.В. Сталин признал русских «руководящей силой в великом Советском Союзе».

В «сталинскую эпоху» были сформированы и апробированы два подхода советского режима к русской этничности: с одной стороны, нейтрализация и недопущение ее политизации, с другой – функциональное использование (особенно в критических ситуациях). Поощрялась и культивировалась в первую очередь советско-имперская составляю-

щая русского сознания, в то время как этническое начало в первое двадцатилетие советской власти беспощадно подавлялось, а позже к нему относились с подозрением. Советская ипостась имперского сознания была редуцирована исключительно к политическому и социальному аспектам. Тогда в общественно-политическом контексте слово «русский» выступало синонимом слов «советский», «социалистический», «глубоко интернациональный».

Русских пытались превратить в ядро нового социального образования – «советского народа», который можно рассматривать как отечественный вариант «плавильного котла». РСФСР была лишена большинства политических атрибутов, имевшихся у других союзных республик, и одновременно служила их финансовым донором: по некоторым подсчетам, ежегодно из бюджета России изымались дотации и субвенции на общую сумму около 50 млрд. долл. От русских требовалось раствориться в «новой исторической общности людей», став ее цементом, и пожертвовать собой ради существования и стабильности СССР.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что на излете советской эпохи русский народ оказался наиболее денационализированным из всех крупных этносов СССР. За год до распада Советского Союза, когда страну сотрясали «парад суверенитетов» и взрыв национализма, до 80% этнических русских называли себя, прежде всего, советскими; не более четверти русских могли назвать, хотя бы один, признак национальной идентификации.

Слабость и размытость этнического начала была одной из главных причин, обусловивших слабость политизации русской этничности: лозунги русских националистов встретили лишь ограниченную поддержку, а само это движение оставалось маргинальным. Возглавлявшая российское демократическое движение интеллигенция, а также быстро формировавшийся новый господствующий класс («кооператоры» и «новые русские») в массе своей были глубоко чужды национальным лозунгам. В отличие от большинства советских республик, а также от стран Восточной и Центральной Европы, в России демократические и национальные ценности оказались не только разведены, но и противопоставлены друг другу.

В идеологию российского суверенитета демократическое движение вкладывало смысл формирования западной модели нации – государства, намеренно игнорируя и подавляя, прежде всего, русскую этничность. Проявление национализма в других советских республиках, а также в российских автономиях российскими демократами поддерживалось и даже поощрялось, поскольку рассматривалось как барьер против русского национализма.

Жесткая оппозиция национализма и демократии в России была вызвана опасениями либеральной интеллигенции на тот счет, что апелляция русских националистов к доминирующему государственническому («великодержавному») началу русского сознания станет серьезным препятствием на пути демократических и рыночных преобразований в стране, а также средством сохранения столь ненавистной российским демократам империи.

Таким образом, удар наносился по русскому сознанию в целом, которое рассматривалось априори как ущербное – антирыночное, антилиберальное и антизападное, а потому подлежащее тотальному слому.

На референдуме 17 марта 1991 г. русские поддержали требование российского суверенитета не потому, что выступали против советской империи (одновременно большинство жителей России проголосовало за сохранение СССР), – нет, они добивались реального равноправия в рамках СССР, при этом, вряд ли отдавая себе отчет в принципиальной несовместимости требований российского суверенитета и сохранения единства страны – Советский Союз в его прежнем виде мог существовать лишь за счет России и русских.

СССР погиб во многом потому, что русские более не захотели его держать: бремя империи подточило жизненные силы русской нации, и она встретила ее разрушение не без горечи, но и без сопротивления.

Распад СССР поставил Россию и русских в уникальное положение. Впервые за последние триста лет они оказались в непривычном для себя статусе – не имперском. Более того, впервые после Гражданской войны русские превратились в разделенный народ – крупнейший разделенный народ в мире (за пределами России оказалось около 25 млн. этнических русских).

Русская нация к этому времени не сложилась, у русских фактически не было опыта создания национального государства и жизни в нем. Тем самым на повестку дня встала задача обретения новой идентичности России, национальной консолидации, утверждения нового места в мире. Поиск ответов на эти и без того нелегкие вопросы отягощался процессом межсистемной трансформации, провозглашенным переходом к рыночной экономике и демократической политической системе. Этот переход был ориентирован на вхождение России в формирующийся глобальный мир, причем вдохновители и сторонники данного курса исходили из необходимости подавления русской этничности, считая ее главным препятствием на пути интеграции в «цивилизованное сообщество».

Власти попытались пойти по западному пути строительства «политической нации», в которой гражданско-государственная идентичность («российскость») превалирует над этнической. Эта модель была далеко не чужда и советской матрице, которая, как уже отмечалось, всячески подавляла этничность, редуцируя ее к политическим формобразованиям (Советам) и к социальному аспекту, намеренно разводя понятия «нация» и ее «дух» (языка и культуры, традиций, эстетических и этнических ценностей). Однако реализация внешне привлекательного проекта в современных российских условиях выглядит проблематично. Причем отнюдь не только в силу традиционно острой чувствительности нерусских народов, но и по причине сложности, динамичности, открытости и разновекторности тенденций русского массового сознания.

В большинстве своем русские предпочитают идентифицировать себя по этнонациональной принадлежности, а не по гражданству: «русскими» считают себя 45% респондентов, в то время как «россиянами» – лишь 28%, а «советскими людьми» – 16%. Этнонациональная идентификация отчетливо доминирует и в том случае, когда русские оказываются за рубежами России. То есть линия на формирование «политической нации» – «россиян» – находится в противоречии с превалирующей тенденцией русского массового сознания, суть которого заключается в этническом самопознании. При этом начинающая себя осознавать как общность русская нация в определенной степени дис-

танцируется от государства, а не отождествляет себя с ним, как это было на протяжении российской истории.

Так, в обеих частях Молдавии, а такое положение характерно для многих постсоветских государств, политическая идентичность далеко не сформирована. Многие граждане дезориентированы и не хотят или не могут отождествлять себя с государством, в котором они живут, будь то признанная Молдова или Приднестровье с его неурегулированным статусом. Однако в республике Молдова доля тех, кто считает себя в первую очередь гражданами своей страны, а уже затем – представителями своей национальности, меньше, чем в России или на Украине (44,8%, тогда как, например, в России еще в 1997 г. – 58,2%). По-прежнему отождествляют себя с «затонувшей Атлантидой» – СССР, называясь «советскими людьми», 9,2% (в России в 1997 г. – 12,4%). Для стран с переходной экономикой чрезвычайно характерна высокая доля людей с размытой, неясной идентичностью. Из опроса, проводимого специалистами, были получены ответы типа «я – гражданин мира», «я – европеец», или просто «не знаю, кто я» [2, с. 5]. Не желая высказать четкое мнение о своем отношении к стране проживания, многие заявляют о себе, прежде всего, как о жителях своего города или местности. Таких в республике Молдова 33% (на 1997 г. по России в целом – 29,4%, в среднем по Украине в 1996 г. – 43,8%).

Подчеркнем, речь идет не о противопоставлении государству, но о дистанцировании от него, что, прежде всего, объясняется слабостью и неэффективностью государства, его нежеланием и неспособностью защитить своих граждан. В результате, по точному замечанию социологов Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), русские «стесняются» своего государства.

Самоидентификация русских коррелирует с их ориентацией по культурно-символическим полям. Доминирует ориентация на «традиционно русские» ценности, которой придерживаются 49% опрошенных; на «советские» ценности ориентируется 13% русских, на «западные» – лишь 4%. (Здесь нелишне отметить, что число откровенных «западников» фактически совпадает – случайно или нет, другой вопрос – с количественной оценкой российского истеблишмента). На смешанный тип ценностей – «традиционно русских и советских» – ориентируется 11% респондентов.

Но что значит в современном русском сознании быть «русским», как выглядит этническая идентичность русских с точки зрения самих русских? Судя по данным социологических опросов фонда «Общественное мнение» (ФОМ), основа русской идентичности имеет, прежде всего, культурно-психологический и культурно-исторический характер, то есть люди ориентируются в первую очередь на субъективное ощущение «русскости» («любит Россию, считает ее своей Родиной», «любит русскую культуру», «считает себя русским», «говорит на русском языке»), а не на ее «объективные» (формализованные) признаки (наличие российского гражданства, запись в паспорте, русские родители). Говоря несколько огрубленно, в русском сознании «почва» преобладает над «кровью». Большинство опрошенных (более 70%) позитивно воспринимает межнациональные браки, более 60% русских рассматривают Россию как «общий дом народов, которые должны обладать равными правами». Русское сознание во многом интенционально, выстроено намерения-

ми, а не фактами, что также является следствием незавершенности и намеренной нейтрализации процесса формирования русской нации.

По-видимому, советская форма имперской идентичности русских переживает кризис при одновременном усилении этнонациональной идентичности. При этом последняя носит открытый и «включающий», а не закрытый и «исключительный» характер.

Однако вряд ли можно однозначно говорить о кардинальной переориентации русской идентичности с территориально-страновой на этнонациональную. Скорее речь идет о взаимосвязанных процессах: поиск и обретение этнической идентичности сопровождается переформулированием государственно-гражданской идентичности (лояльность СССР заменяется лояльностью России). Таким образом, в современной русской идентичности, формирование которой не завершено, выделяются несколько уровней – территориально-страновая, этнонациональная и локально-региональная идентификации.

Как выглядит политическая проекция современного русского самосознания, на какую модель государственного устройства России оно ориентируется? По данным ФОМ еще пятилетней давности, 36% русских считали приоритетом «укрепление собственного национального государства», 30% предпочитали «упрочение экономических и политических связей между государствами СНГ», 23% – «воссоздание централизованного государства на территории бывшего СССР».

Выбор в пользу упрочения СНГ можно рассматривать как поиск исторического компромисса между имперской и национальной государственностью; ориентация на создание национальной государственности и укрепление СНГ не противоречат друг другу. Эту тенденцию подтвердил и более поздний опрос РНИСиНП, выявивший, что установка на самостоятельность России наиболее популярна среди молодого поколения (от 16 до 24 лет), политическая социализация которого проходила в первое десятилетие существования независимой России. То есть, в массовом сознании русских преобладает стремление к формированию собственного национального государства при одновременном кризисе имперской модели.

Однако при более тщательном рассмотрении выясняется, что в значительной части русские трактуют будущность своего национального государства отнюдь не в западных надэтнических категориях нации-государства. Почти для половины респондентов характерна этнизация строящегося государства, восприятие его, прежде всего, как русской России. 47% опрошенных (им противостоят 34%) согласны или скорее согласны с тем, что «надо стремиться к созданию государства, в котором русские официально признаются главной нацией». По мнению социологов, за этими цифрами стоит не желание русских обеспечить себе какие-то привилегии, которых никогда и не было, а психологическая реакция на кризис имперской самоидентификации и размывания образа «старшего брата», озабоченность резким ослаблением патерналистских функций государства и поиск новых оснований для их восстановления. Вероятно, в тенденциях к этнизации государства проявляется склонность русского массового сознания к отождествлению «российского» и «русского». Иными словами, нет «российского» без «русского», любое «российское» в своей основе является «русским».

Таким образом, заложенный еще советской национальной политикой принцип «одна этнонация – одно государство», согласно которому «национальные» республики были соотнесены с определенной «коренной» (титульной) нацией – этносом, в постсоветской этнополитической ситуации практически повсеместно стал доминирующим [3, с. 103]. Именно это предопределяет этнические различия в становлении новой гражданской идентичности на постсоветском пространстве вне России: у большинства титульного населения этот процесс проходит относительно благоприятно, для большинства же русского (и другого нетитульного) населения новых независимых стран характерен идентификационный кризис. Хотя содержание и глубина этого кризиса заметно различаются в каждом из постсоветских государств, что во многом определяется их этнонациональной политикой.

Список литературы:

1. «Русский фактор» в Российской политике // «НГ-сценарии». – 2000. – № 6.
2. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей // Содружество НГ. – 2000. – № 10.
3. Савоскул, С. С. Этнические аспекты постсоветской гражданской идентичности / С. С. Савоскул // Общественные науки и современность. – 1999. – № 5.

Интернет-журнал
«Проблемы современного образования»
2012, № 2